

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

**КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Препринт WP18/2011/01

Серия WP18

Права человека в современном мире

Москва

Высшая школа экономики

2011

УДК 342.7
ББК 67.400.7
К 90

Редактор серии WP18
«Права человека в современном мире»
А.Л. Рябинин

Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Центральной Азии : препринт WP18/2011/01 [Текст] ; Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 40 с. — 150 экз.

Настоящая работа является первой из серии препринтов в рамках проекта «Универсализация прав человека», осуществляемого кафедрой всеобщей и отечественной истории Высшей школы экономики при поддержке филиала Фонда Фридриха Науманна в Москве.

В работе рассматриваются культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Центральной Азии. Обсуждаются различные интерпретации концепции прав человека в регионе, связь проблематики прав человека с социокультурными особенностями региона. Рассматривается роль ислама в регионе и его влияние на реализацию прав человека, а также иные факторы внешней и внутренней политики, оказывающие влияние на ситуацию в области прав человека в Центральной Азии.

УДК 342.7
ББК 67.400.7

**Издание серии препринтов
«Права человека в современном мире»
осуществляется при поддержке
Фонда Фридриха Науманна (Германия)**

**Препринты Высшей школы экономики
размещаются по адресу: <http://new.hse.ru/org/hse/wp>**

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

Вступительное слово

С. Тамм

Деятельность Фонда Науманна уже более 50 лет, со дня его основания, связана с правами человека. В этой сфере работают практически все филиалы фонда по всему миру, в том числе и в Центральной Азии — именно поэтому тематика этого круглого стола представляет особенный интерес для меня как руководителя проекта «Россия и Центральная Азия». На данный момент мы работаем в Киргизии и Таджикистане, планируется также и работа в Казахстане. Проблема прав человека в Центрально-Азиатском регионе является приоритетным направлением для Евросоюза в целом и Германии в частности: министерство иностранных дел этой страны даже разработало специальную стратегию для Центрально-Азиатского региона. Права человека — это основа либерального правительства. И данный проект представляется очень интересным и важным в этом аспекте.

А.И. Музыкантский

Проблема прав человека для России в значительной степени нова. Изучение ситуации с правами человека в других регионах — тема очень интересная, но оно должно осуществляться в тесной связи с общими культурными особенностями (и даже культурными и цивилизационными архетипами) каждого конкретного региона, поскольку очень трудно перенести что-либо на другую почву, в другую культуру, и 20-летний опыт России наглядно это демонстрирует. Утверждение относительно того, что Россия и Центральная Азия обладают большим потенциалом для развития демократии, становления правового государства и укрепления рыночной экономики кажется мне, мягко говоря, не имеющим оснований. Откуда взяться в России потенциалу для развития демократии? Ни в истории, ни в культуре нет для этого никаких оснований. То же самое можно сказать и о рыночной экономике, поскольку за всю историю России и стран Центральной Азии не существовало эффективного института частной собствен-

ности. Недостаточно принять несколько законов, или даже изменить все законодательство, чтобы институты начали нормально функционировать. Сначала происходят формационные сдвиги в культуре, а затем уже меняется экономика. Та деятельность, которая осуществляется в том числе и Фондом Науманна — консультации, диалоги, знакомство с опытом других стран — очень важна, и это все должно быть освоено и проработано. Но освоено и проработано это должно быть сначала интеллектуальной элитой, потом внесено в общество, и затем уже произойдут сдвиги и изменения в этом обществе. Это очень долгий процесс, и за два-три года не получится изменить ментальность народа, сформировавшуюся на протяжении веков.

1. Политико-экономический контекст реализации прав человека в Центральной Азии

Т.Л. Полянников

Действительно, сама постановка проблемы прав человека в Центральной Азии вызывает неоднозначную реакцию. В принципе, это нормальная ситуация. Единственное, что надо принимать во внимание, это некий внешнеполитический контекст, в котором находится этот регион и в который он интенсивно включается и будет включаться в будущем. В 1990-е годы регион находился на периферии международных отношений, фактически был предоставлен самому себе. Россия, патронировавшая регион на протяжении столетий, покинула его, а со стороны Запада или Китая особого интереса к Центральной Азии не было. Ситуация там была очень тяжелая: гражданская война в Таджикистане, конфликты в Узбекистане, установление весьма специфического режима Туркменбаши и т.д.

Тем не менее в конце 1990-х — начале 2000-х годов регион начинал вовлекаться в достаточно серьезные процессы международного плана: прежде всего это американская операция в Афганистане. Центральная Азия переходит на совершенно новый экономический формат.

Каковы же результаты событий, происходивших в этом регионе в рамках геоэкономической и связанной с ней геополитической перестройки места Центральной Азии в системе международных от-

ношений? Фактически влияние России там резко ослабело, и воспринимать регион как периферию имперских интересов уже нет оснований. Как можно охарактеризовать интерес Запада к региону и влияние на него? Для Евросоюза и Германии он представляет прежде всего экономический интерес. Достаточно активно происходит включение Казахстана в отношения с Евросоюзом, в частности посредством различных нефтяных проектов. И сейчас, после смерти Туркменбаши, интенсифицируется партнерство с Туркменистаном. В экономическом плане он, безусловно, развивается, но в гуманитарном плане, и в том числе в аспекте прав человека, нет никаких оснований надеяться на демократизацию и смягчение режима.

Что касается США, то для них Центрально-Азиатский регион какого-либо экономического значения не имеет, но представляет собой некую военно-стратегическую площадку, а для Америки присутствие военных в этом регионе существенно (и перипетии в Киргизии во многом связаны с присутствием там американцев).

Общий вектор геоэкономического развития региона показывает, что регион все больше и больше втягивается в зону влияния Китая и противопоставить этому нечего. Это относится в первую очередь к Казахстану, от которого к Китаю тянутся нефтяные ветки: открытие газового трубопровода из Туркменистана было для Китая, несомненно, фундаментальным событием.

Если анализировать, как развиваются внешнеполитические отношения в регионе, то известно, что Ислам Каримов известен своей резкой, зигзагообразной внешней политикой. Его «вираж» в сторону США в большой мере связан с тем, что он просто почувствовал, что его страна попадает под очень сильное влияние Китая и попытался сбалансировать ситуацию. Таджикистан же или Киргизия в геоэкономическом отношении являются странами незначительными.

Для Китая проблематика прав человека не имеет никакого значения, он прежде всего реализует жесткие экономические стратегии и создает прочный тыл на своих проблемных западных рубежах. Для России вопрос о правах человека в этом регионе тоже незначим, что подтверждает вытеснение русского населения на протяжении последних 20 лет: правительство РФ совершенно игнорировало проблемы русских в Туркменистане. Проблематика прав человека волнует прежде всего Европу и США. Очевидно, что и институт омбудсмена, и автохтонные правозащитные структуры, которые существуют в ре-

гионе, в большей степени имитируют деятельность. Разумеется, можно говорить о постепенном развитии этих элементов, но не стоит воспринимать их как некую реальность. Либеральных демократических сил в регионе просто нет по определению.

Тема исламизма и его противопоставления демократическим тенденциям очень и очень сложна, потому что, как было отмечено ранее, демократы некогда уже вступали с исламистами в некие отношения, после чего оказались в проигрыше. Мне кажется, эти события можно рассмотреть и с другой стороны: демократическая партия Таджикистана вполне сознательно взяла на себя функции некоего прикрытия, прекрасно понимая, на что идет, сознавая, что никакой демократии в Таджикистане не будет. В Киргизии и в 2005 г., и сейчас обсуждалась возможность запуска проектов по такой же модели, как в Таджикистане. Представители этого региона регулярно появляются в такой структуре, как Демократический конгресс Центральной Азии, периодически собирающийся в Вене.

На мой взгляд, проблему демократии и исламизма было бы более продуктивно рассматривать не в ключе их противопоставления в регионе, а в провокационном контексте, потому что в регионе в обозримом будущем могут возникнуть очень серьезные конфликты на этнической почве, в которые будет вовлечен ислам и южные страны — в частности, Афганистан, влияние которого постоянно ощущается в регионе, Пакистан, Иран и т.д.

Если говорить о демократии и исламизме, то стоит упомянуть о бывшем главном правозащитнике Киргизии, известном тем, что, когда он выдвигался в президенты, его поддерживала Международная партия исламского освобождения. Он выступал с идеей ее легализации в Киргизии, но от этого отказались сами представители партии. Эта партия принимала участие в событиях 2005 г., особенно на юге страны, и сейчас, в ходе вынужденной миграции сотен тысяч узбеков на узбекскую часть Ферганской долины, на территорию Узбекистана проникло значительное количество ее представителей. Чем это обернется в итоге — сложно представить. Это означает, что в среднесрочной перспективе актуализируется тема халифата в Ферганской долине. Расценивать деятельность Международной партии исламского освобождения сложно, поскольку ее центр находится в Лондоне, и она имеет определенную связь с правозащитными организациями. Есть ощущение, что в ближайшее время не о правах человека придется ду-

мать применительно к этому региону, а о том, что его ждет серия гуманитарных катастроф в буквальном смысле этого слова.

Интересно, что в Туркменистане в службе безопасности президента, в президентском полку, служат славяне — в основном русские или украинцы, которые особенно отличились в истреблении туркменской оппозиции. В качестве провоцирующей стороны во время узбекско-киргизской резни в Оше выступали славяне, восстание в Андижане подавлялось ими же.

Хотелось бы также вспомнить неудачный опыт посла Соединенного Королевства, Крейга Мюррея, в Ташкенте, который с трибуны провозглашал европейские ценности и права человека, заявляя, что в Узбекистане есть свободная пресса и т.д.

2. Культурно-религиозный контекст реализации прав человека в Центральной Азии

А.Ш. Кадырбаев

Складывается впечатление, что народы Центральной Азии — это нечто единое, что это народы единой цивилизации, и деление на государства существует только в политической сфере, а на самом деле у них все общее. Разумеется, никто не отрицает близости этих регионов, но если исторически и этнографически разбираться в деталях, то мы увидим, что второстепенные, на первый взгляд, особенности наложили отпечаток на менталитет каждого народа: например, кочевой образ жизни оказал существенное влияние на менталитет киргизов, а оседло-земледельческая культура — на самосознание таджиков. Это, безусловно, другой тип цивилизации. В онтогенезе этих регионов участвовали как оседло-земледельческие народы, так и кочевые. С одной стороны, это относится в основном к сфере материальной культуры, но, с другой стороны, наложило отпечаток на менталитет народа в целом. Оседлые народы достигли высшей формы товарно-денежных отношений, у кочевых же был более патриархальный уклад.

В Средней Азии до прихода русских никогда не существовало разделения на государства на этнической основе. Государственное

устройство представляло собой форму восточной деспотии, где все замыкалось на одном человеке. Ханы же были не во всех регионах, и власть хана нельзя сравнить, например, с властью русского самодержца: у хана не было государственного аппарата, он функционировал в основном во время войны, которая была средством производственной деятельности. И это, в свою очередь, наложило свой отпечаток на менталитет людей, в том числе и на бытовую сферу их жизни. Возможно, этим и объясняется присутствие именно такой формы государственности, например, в Киргизии, Туркмении и т.д. Соответственно, в Узбекистане и Казахстане мы видим классический образец восточной деспотии.

Как говорил Конфуций, трудно искать кошку в темной комнате, тем более, если ее там нет. Отчасти наша задача напоминает поиски этой кошки, но, с другой стороны, под лежащий камень вода не течет и необходимо что-то делать. Задача усугубляется различием культурных особенностей в разных регионах.

Мне представляется, что права человека в этих условиях необходимо дифференцировать в зависимости от страны. Многое зависит, конечно, от средств, которыми располагают эти страны, но все же это не является неким гарантом. Чем отличаются, например, современный Казахстан и Узбекистан? В Казахстане на кухне можно говорить сколько угодно, как в эпоху Брежнева, лишь бы не было публичных выступлений. В Узбекистане все по-другому: по доносу можно «загреть», даже если не было публичных заявлений, порочащих власть. В Таджикистане ситуация, аналогичная Узбекистану — вся власть сосредоточена в руках одного человека и режима.

Если говорить об исламском факторе в регионе, то стоит отметить, что у нас принято ассоциировать слово «ислам» с экстремизмом. Нельзя говорить о том, что в исламе нет понятия прав человека. К примеру, ваххабизм является государственной религией во многих странах. В Центральной Азии волнения не возникают, если для этого нет почвы.

Таджикистан держится за счет возможности иммиграции в Россию: гастарбайтеры, работающие в России, фактически содержат режим Рахмонова. Естественно, говорить о наличии прав человека в данном регионе сложно. Институт уполномоченного по правам человека был создан в качестве своеобразного «фасада». Рашидова в этой должности делает, что может, но ее действия ограничены рам-

ками режима. В Казахстане де-факто введен пожизненный режим правления президента, но де-юре он таковым все же не был провозглашен. Для Назарбаева в этой связи крайне важен имидж.

Возвращаясь к вопросу об исламе, следует отметить, что влияние радикального ислама на обездоленные массы идет от власть имущих. Протесты жестоко подавляются аппаратом государства. И тем из исламистов, кто идет на это, стоит отдать должное — они являют собой пример для подражания и готовы жертвовать собой, среди них много очень талантливых людей. Корни этого явления уходят в социальную политику: это напоминает левые движения в Латинской Америке во главе с харизматичными лидерами, например Че Геварой. Среди исламистов масса так называемых идейных людей, однако в Центральной Азии и некоторых других регионах они не могут ничего противопоставить государственной власти. Власть, которая творит несправедливость в течение многих десятилетий, вряд ли может измениться, и выход из этого порочного круга не очевиден. Однако предпринимать попытки найти решение необходимо.

Узбекистан считает себя центром Центральной Азии. Сейчас, в силу экономической ситуации, эти претензии немного поникли, но, тем не менее, все-таки они сохраняются, в том числе и за счет очень высокого уровня рождаемости в этой стране. На рынок труда ежегодно выбрасывается огромное количество рабочей силы, и единственный выход — иммиграция в Россию. И для подпитки национальной идеи нужна яркая, известная фигура, например Тимур.

Фонд Науманна некогда выпустил книгу «Мифотворчество национальных историй», в которой прекрасно описываются мифы многих стран, хотя, к сожалению, Узбекистан не вошел в издание. Вообще националистические идеи исходят из представления о великом народе, который попал в тяжелую ситуацию, но потом сумел возродить великую империю (хотя в истории все было с точностью наоборот: отдельные племена консолидировались в единое государство, и уже в этом государстве складывался единый народ). Что касается Узбекистана, то сам Тимур ведь не был узбеком: само это понятие возникло с подачи советской власти в начале 1920-х годов, а раньше так называлась незначительная часть населения, ведущая кочевой образ жизни. Если разобраться, то Тимур вообще не имел к узбекам никакого отношения: для него узбеки были кочевниками с севера, сокрушившими остатки его империи. Он был монголом, как известно. Та-

ким образом, существует масса мифов, подающих идеи для «местного пользования». Пока это работает, но, возможно, с ростом образования ситуация изменится.

Киргизия находится фактически на грани гражданской войны: происходят постоянные перегруппировки, очень много недовольных. О правах человека говорить в этих условиях очень сложно. В Таджикистане тоже происходят перегруппировки, он также находится в преддверии войны. В Узбекистане удалось взять ситуацию под контроль, но при помощи насилия, и никаких социально-экономических выводов из этого не было сделано. В Казахстане, на первый взгляд, такого нет, поскольку он получает большие доходы от нефти, и недовольство народа правительством сглаживается. Однако и здесь не все так просто: национальных конфликтов удается избежать только благодаря сильной власти президента, но поводы для локальных конфликтов есть, и они уже вспыхивают. Погромы учиняются с целью отобрать собственность, причем подобные настроения преобладают среди представителей казахского населения.

Центральная Азия была исламизирована и даже в некоторой степени арабизирована, однако регион был весьма близок и к Европе. В XX в. он прошел период модернизации, причем модернизации советской, но в него были привнесены определенные европейские ценности. Ислам подвергся своего рода искоренению, были уничтожены традиционные для арабского, а частично и для мусульманского мира институты. Ислам имел довольно слабые позиции в регионе, и северные районы все больше воспринимали европейские ценности и культурные парадигмы. Формировался образ азиатско-советского человека, который пропустил фазу формирования суверенитета, т.е. не существовал в Вестфальском мире. Когда весь мир вступил в постиндустриальную фазу, когда политика перешла в сферу отношений гражданского общества и государства, страны Центральной Азии оказались на пути становления государства, для них встал вопрос национального государства.

На 1990-е — начало 2000-х годов пришелся период становления государства в Центрально-Азиатском регионе. Так, Таджикистан начал формировать свое государство только в 2000-х годах, поэтому он оказался самой крайней точкой, т.е. наиболее отстающим в этом плане. Туркменистан, наоборот, начал строить государство, совершив широкий исторический экскурс, но законсервировал этот процесс,

и сейчас они строят государственный суверенитет, т.е. отграничивают себя от другого мира. Узбекистан начал движение в этом направлении, но тоже остановил его, демонстрируя, однако, Западу свою готовность контактировать.

Казахстан и Киргизия — два государства, которые провозгласили, что готовы принять европейскую систему ценностей. И они по большому счету были к этому готовы, в том числе и по причине высокого процента русского и европейского населения в них и принадлежности к западному дискурсу посредством распространения европейских языков. Именно поэтому сейчас в Казахстане можно увидеть первый реализованный в Центральной Азии и даже на пространстве СНГ проект университета, в котором образование ведется полностью на английском языке, по лондонским стандартам и программам. Это огромный шаг к парадигме прав человека.

В Киргизии не было никаких преград со стороны государства, и процесс построения суверенитета быстро вывел страну на построение гражданского общества, на создание системы прав человека. Возникло множество просветительских проектов, семинаров и т.д., которые проводились даже в деревнях и аулах. Однако Киргизия пропустила этап построения государства, и это привело к тому, что в настоящее время государственность там находится на грани развала. Кроме того, благая идея распространения европейских ценностей прав человека распространилась на политику отдельных стран по ведению геополитической игры в регионе. В результате этого благая идея международных организаций была превращена в политическую игру, которая буквально разорвала страну на кусочки. Образовалось несколько опытных моделей.

Существуют государства, которые сделали резкий скачок вперед, например Киргизия. Но есть и такие, как Таджикистан, который еще не ступил в полной мере не только на путь построения прав человека, но даже и построения государства. То есть пока там не говорят о построении гражданского общества и развитии прав человека. И у местных властей есть свои цели: они хотят законсервировать ситуацию. Но, как показывает текущая обстановка в стране, этот режим начинает расшатываться. И единственный способ удержаться от широкомасштабного конфликта и предотвратить гражданскую войну — возвращение на путь построения государства или хотя бы идеи государства, после чего уже можно перейти к продвижению идеи прав человека.

3. Правоприменительная практика в области реализации прав человека в Центральной Азии и Институт Омбудсмана

А.Ю. Сунгуров

Прежде всего надо определиться с терминологией: когда мы говорим о правах человека, понимаем ли мы, что это такое? До сих пор нет какого-либо общепринятого определения. На основе анализа разных подходов в одной из своих работ мы пришли к выводу, что это некое понятие, тесно связанное с понятием свободы, достоинства личности и чести. Понятие, которое предусматривает как возможность обладания ими, так и характеристику отношений власти и общества, и инструмент изменения отношения государства к людям, к принципу прав человека вообще. То есть это комплексное понятие, которое часто используется и которое для многих остается не до конца ясным.

Одна из главных проблем современного мира — это некое противоречие между принципом универсальности прав человека и принципами мультикультурализма и уважения к культуре различных стран и народов. Отмечу сразу, что еще в момент принятия Декларации прав человека в 1948 г. президент Международной ассоциации антропологов заявил, что принятие этой декларации противоречит принципам равенства культур и является неверным. Правда, позже Ассоциация антропологов отозвала это предложение, но дискуссия продолжается, и чем ближе мы рассматриваем страны с протестантскими корнями, тем усиленнее ведутся подобные дискуссии. Принцип универсальности прав человека, принятый ООН, провозглашал приоритет прав человека над суверенитетом наций. Деятели фашистской Германии не нарушали дух закона, потому что они сами совершенно легально меняли законы. Это привело к необходимости признания того, что существуют более важные принципы, чем принцип суверенитета наций. Многие руководители нашей страны этого не понимают — отсюда возникает и большинство проблем.

Еще одной проблемой является соотношение прав человека и права. Концепция универсальности прав человека базируется на концепции естественного права, которая во многих случаях является альтернативой позитивистской концепции, где под правом понимается

только совокупность законов (а на постсоветском пространстве 90% юристов воспитаны именно на ней). Право в данном случае — не более чем совокупность законов, и если мы меняем законы, то, соответственно, меняется и право. Имеет место и другой подход, согласно которому существуют права человека, которые не может нарушить даже законодательство. Мы живем в ситуации, когда есть общепринятые нормы права, включая приоритет прав человека, есть реальное позитивное право страны, которое меняется от Конституции, соответствующей международным стандартам в области прав человека, через законы и подзаконные акты, просто выворачивающие ее наизнанку — например, законы относительно митингов и т.д. Есть еще и третий вариант, когда и эти законы не соблюдаются в случае возникновения коррупции или нарушения законов.

Существуют нормы российского позитивного права, нормы шариата, который все больше распространяется, особенно в азиатских республиках, и есть нормы обычного права, которые часто противоречат нормам шариата. И человек должен в этом ориентироваться. В данном контексте и стоит говорить о правах человека в Центральной Азии.

Попытка заставить всех жить по единым законам (вернее, по инструкциям, которые контролировали партийные органы), была предпринята еще в Советском Союзе. Считалось, что все вышли на один уровень. Это уже тогда было неправильно, поскольку нормы жизни не соответствовали писаным законам; сейчас же, когда вся эта система распалась, мы видим целый спектр отношения к праву. С наибольшей претензией на демократию выступала Киргизия — возможно, под влиянием своей северной части, сейчас, после кровавых переворотов, она снова пытается выстроить парламентскую республику, а не президентскую. Несмотря на то что эта система также показала свою нестабильность, попытки предпринимаются. Ош, Ферганская долина представляют собой территорию вражды между Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией. Уполномоченный по правам человека возник в Киргизии как независимый и приближенный к европейским стандартам, но в то же время он был очень тесно связан с политикой.

Более стабильным и спокойным является, конечно, Казахстан. Однако с 1990-х годов степень монопольности власти там возрастает. В качестве примера в этом случае выступает Конституция Казах-

стана, в соответствии с которой нынешний президент правит страной пожизненно. Институт уполномоченных по правам человека здесь был создан, но был подконтрольным президенту, т.е. его создание происходило не по законам, принятым парламентом, а по закону, утвержденному президентом. Фактически это назначаемое лицо, а не избираемое, т.е. уполномоченный обладает весьма ограниченной независимостью и самостоятельностью. Казахстан не вышел на уровень публичности института омбудсмана, просто потому что этого не позволял сделать режим.

В Узбекистане пожизненное правление Каримова не прописано в Конституции, однако там более жесткий авторитарный режим, чем в Казахстане. Узбекистан — одна из немногих республик, которая создавала свой исторический миф, согласно которому корни его восходят к Тимуру, т.е. правитель сравнивается с ним. Кроме того, существенна разница между кочевыми и более оседлыми племенами, а также присутствует опасность исламизма. Естественно, в этих условиях вопрос о правах человека носит весьма специфический характер. Соответственно, нельзя говорить и о каких-либо международных стандартах в этой сфере. Схожие проблемы испытывает Северный Кавказ, где радикальные течения ислама, связанные прежде всего с ваххабизмом, основываются на социальной несправедливости, привлекая тем самым в свои ряды людей и преподнося им шариат в видоизмененной форме. С этим борется режим Каримова. Институт уполномоченного по правам человека в Узбекистане есть, но он помогает только конкретным людям в конкретных случаях, не делая публичных заявлений.

В Таджикистане институт омбудсмана был создан последним из всех центральноазиатских республик. Уполномоченный по правам человека — юрист по образованию, кандидат наук, в прошлом председатель Конституционного суда. Однако он тоже действует в соответствии с указаниями президента — иначе бы он просто долго не продержался на своей должности.

Крайний случай — Туркменистан, где процесс демократизации идет, но за права человека отвечает один человек — президент, исключая необходимость формирования других правозащитных структур. Института омбудсмана здесь нет. Подобная ситуация в Туркмении меняется, но очень медленно. И этот спектр — от более открытой, но в то же время более подверженной изменениям Киргизии до

относительно монолитного Туркменистана — дает нам картины самого разного отношения к правам человека.

Во многих случаях должность уполномоченного по правам человека создается извне, т.е. под давлением международных организаций: зачастую это обязательное условие вступления в те или иные организации. Однако важно отметить, что в любом случае возникают дискуссии по этому поводу. Если же говорить о культурной специфике, то одной линией здесь является влияние международных стандартов и либеральных течений, другой — влияние местных режимов, в зависимости от политики которых меняется отношение к правам человека. Третья линия — влияние фактора традиционного ислама, в рамках которого ни о каком приоритете прав человека говорить практически невозможно. Несмотря на то что, например, в Татарстане предпринимались попытки реформации ислама с учетом прав человека, в традиционном исламе выход из религии невозможен, что негативно сказывается на сфере прав человека.

Сочетание этих трех факторов позволяет оценить, во-первых, наличие либеральных течений и групп, которые воспринимают права человека всерьез. Во-вторых, степень авторитарности режима, который принимает или не принимает концепцию прав человека, а также степень имитационности ее принятия. В-третьих, наличие или отсутствие института уполномоченных по правам человека. В-четвертых, отражение влияния политической элиты. И наконец, влияние фактора ислама и его разновидностей — от радикального неприятия концепции прав человека до более толерантного отношения к ней. С помощью этих факторов можно выйти на картирование прав человека в том или ином регионе.

Сама концепция прав человека рядом правозащитников воспринимается как определенная религия. Более того, Мери Робинсон, бывший Верховный комиссар ООН по правам человека, сказала, что права человека не надо анализировать, их надо исполнять. Для меня как специалиста права человека являются не религией, а очень нетривиальной концепцией, возникшей в XXI в. Важно, что тема церкви и прав человека у нас обсуждалась, в то время как в исламе права человека вообще не обсуждались. Возможно, они имеют место в европеизированном исламе, в традиционном же такого не встречалось.

Корни радикального ислама — это социальные корни несправедливости. В этом плане наша политика, когда всех тех, кто борется,

называют бандитами, — просто политика, которая приводит к искажению фактов.

Тема религии и прав человека очень важна, и, если мы говорим о той или иной степени развитости стран, то этот аспект необходимо анализировать.

В этой связи стоит упомянуть опыт Таджикистана начала гражданской войны, когда демократическая партия этой страны и группировавшаяся вокруг нее интеллигенция вступили в альянс с исламскими партиями, и в итоге проиграли.

Если говорить о чужеродности института омбудсмана для республик Центральной Азии, то следует отметить, что после возникновения омбудсмана в Швеции и Финляндии, первые 150 лет ни о каких правах человека, естественно, никто не думал: так, в Швеции это был чиновник, который надзирал за судами. Затем, после разгрома под Полтавой, Карл XII передал омбудсмену и контроль над действиями администрации. Затем эти функции перенял парламент. И только в 1970-е годы, когда этот институт стал распространяться по Европе в связи с разрастанием административных аппаратов, когда у государств появилось много функций и потребовалась функция общего надзора, возник институт омбудсмана. Параллельно, в связи с Декларацией прав человека, стал формироваться Национальный институт прав человека.

Нельзя говорить, что институт омбудсмана неорганичен странам Центральной Азии, потому что считается, что, например, в Пакистане корни его уходят как раз в ислам. Другое дело, что интерпретация его с точки зрения прав человека зависит от международного уровня, международных институтов. Институт омбудсмана не является чуждым этим странам, проблема заключается в том, какими способами он внедряется.

Права человека всегда были связаны с демократизацией, с либерализацией, с идеей свободного человека и его развития. Однако эти тенденции стали главенствующими лишь после Второй мировой войны, когда была принята Декларация прав человека. Уважение к правам человека провозглашается все большим количеством государств. Это связано с готовностью страны к такого рода преобразованиям. Здесь важно говорить не о правах человека в международном масштабе, а о возвращении элементов не только племенной демократии, но и племенных обычаев, которые позволяют избежать, например,

кровной мести — в частности, обычай куначества. В полном смысле концепция прав человека не может быть применима к этому региону, потому что люди просто не готовы воспринять ее. Насаждать права человека здесь просто бессмысленно: принуждение приводит в лучшем случае к возникновению некоего суррогата, извращающего само понятие прав человека. Необходимо соблюдать золотую середину, не пытаясь «осчастливить всех».

Одна линия — это процессы, происходящие на глобальном уровне, глобализация, в которую включены все народы. Проблемы возникают с тем, готовы эти народы к ней, или нет, что упирается в степень культурной зрелости регионов. Возникает обратная реакция — например, движение талибов, которое было инспирировано американцами. Если культура не готова к процессам модернизации, то происходят срывы (как это было в России в 1917 г.). Возникают разные субкультуры. Разумеется, в таких условиях навязывание демократии представляется весьма странным.

4. Гендерное разделение труда в Центральной Азии

Х.О. Хушкадамова

В экономической теории мало внимания уделяется распределению ресурсов внутри домашнего хозяйства и, как следствие, деятельности женщин. В основном исследуется только оплачиваемый труд женщин, тогда как неоплачиваемый труд игнорируется, считается непроизводительным. Это приводит к тому, что не учитывается работа женщины дома. Хотя выполняемая женщинами работа является не только существенным вкладом в благосостояние семей и государства, но и влияет на их социальный статус. Оградить женщин от домашнего труда, от функции матери и жены не представляется возможным. Но главная проблема в другом: как создать условия для природной миссии и оплачиваемого труда, чтобы они не были взаимоисключающими, несовместимыми видами деятельности? Только так можно повысить статус женщины в обществе и ее авторитет в семье. В домашней сфере в связи с ростом безработицы, трудовой миграции мужчин, низким уров-

нем зарплаты растет нагрузка на женщин. А отношения внутри домохозяйств в современном таджикском обществе и связи между его членами являются частью актуальной проблемы положения женщин в сфере занятости и в целом в экономике. Группа лиц, объединенных общим бюджетом, составляет домохозяйство¹.

Распределение труда и принятие решений в домохозяйстве является одним из важных в структуре научных проблем гендерной экономики. По данным исследователей², женский домашний труд продолжительнее мужского более чем в 3 раза, а вовлеченность в него женщин почти стопроцентная. Внерыночный труд мужчин менее продолжителен, при этом каждый пятый освобожден от этого труда. Причем большинство видов труда неравномерно распределены в современном российском домашнем хозяйстве. Женщины имеют значительно большую, чем мужчины, домохозяйственную нагрузку, а «рациональный» выбор в пользу той или иной сферы занятости — это прерогатива только мужчин, для женщин выбор в большей степени ограничен. Женщины имеют ограниченные возможности в экономической самостоятельности и разделении домашнего труда.

Семейные, материнские заботы и интересы работы вне дома вынуждают женщину успеть выложиться везде. Существуют разные подходы к этой проблеме, но наиболее распространенными являются два из них.

Первый, исходя из равноправия полов, подразумевает, что все тяготы жизни, в том числе работу по дому супруги должны делить поровну. Отпуск по уходу за ребенком и, следовательно, временное отлучение от работы тоже должны распространяться и на отца семейства. И на работе не должны учитывать пол.

¹ Введение в гендерные исследования: учеб. пособие для студентов вузов / И.В. Костикова и др. М.: 2005. С. 148.

² Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Разделение труда в семье и принятие решений // *Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 г.* М., 1999. С. 113–153; См.: Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // *Мир России.* 2000. № 4; Калабихина И.Е. Гендерные вопросы в конце XX века: городская и сельская Россия. М., 2003; Караханова Т.М. Домашний труд и быт городских жителей: 1965–1998 гг. // *Социологический журнал.* 1999. № 3–4. С. 110–115; Калабихина И.Е. Факторы домохозяйства и занятость женщин // *Экономика домашних хозяйств. Демография и социология.* М., 1997; Калабихина И.Е. Факторы домохозяйства и модели занятости // *Домохозяйство, семья и семейная политика / под ред. В.В. Елизарова, Н.В. Зверева.* М., 1997.

Второй подход предполагает многосторонние льготы и тем самым облегчает двойную ношу женщины. Он был распространен в социалистических странах. Еще в советские времена на семью ложилась большая нагрузка по ведению домашнего хозяйства, так как качество обслуживания не отвечало запросам.

В этой сфере, по мнению А.Г. Харчева³, было занято «физических работников» на несколько миллионов меньше, чем, например, в США. И в итоге большинство их, будучи вполне трудоспособными, а в ряде случаев и получившими специальность, вынуждены были остаться на положении домохозяйки. Страна несла большие экономические потери, ибо затраты на подготовку этих женщин как специалистов фактически не возвращались обществу. В результате отставания быта, особенно недостатка детских учреждений, возникает противоречие между производственной деятельностью работающих женщин и материнством. Исследователи предлагают то обобществление домашнего хозяйства, то возвращение женщин из производства в семью, т.е. из одной крайности в другую.

В условиях сегодняшнего Таджикистана эти подходы не работают. Экономическая ситуация в стране такова, что о каком-либо обобществлении домашнего труда и речи не может быть. Во-вторых, при нынешнем уровне зарплаты, даже если муж работает, прокормить семью он не в состоянии, поэтому женщинам приходится работать, чтобы оказать материальную поддержку своим семьям. Затраты времени и сил на домашний труд особенно велики у женщин, имеющих детей. В типичных таджикских семьях дети помогают в домашней работе, но для этого они должны достичь определенного возраста. И выходит, что женщина в самом цветущем возрасте, наиболее благоприятном для самореализации, перегружена и практически не имеет возможностей для духовного развития, самообразования, повышения квалификации. В это время она отстает от мужчин в приобретении профессиональных знаний и, соответственно, в повышении социального статуса. Впоследствии им трудно, а порой и невозможно наверстать упущенное. Неравенство возможностей в работе и продвижении по службе мужчин и женщин обусловлено не только предпочтениями работодателя, но и установками внутри семьи, которые предписывают женщине на первое месте ставить дом и семью, а на

³ Харчев А.Г. Быт и семья в социалистическом обществе. Л., 1968. С. 23.

последующие места — работу, карьеру, образование и т.п. Эти установки отражаются и на восприятии занятости как мужчинами, так и самими женщинами. Так, 51,8% мужчин и 31,8% женщин полагают, что занятость женщин полный рабочий день мешает семейным отношениям, 14,4% мужчин и 19,1% женщин считают, что никак не влияет на семейные отношения, а еще 31,1% и 43,1% соответственно отмечают, что занятость женщин полный рабочий не мешает их семейным отношениям⁴.

В Таджикистане постконфликтный период и переход на рыночные отношения на фоне тяжелого экономического кризиса не могли негативно не отразиться на занятости женщин в общественном производстве.

Из общего количества экономически активного населения — 1780600 человек — в 1999 г. женщины составляли 540400, или 30,3%. Если сравнивать эти данные со статистикой 1996 г., то налицо значительное сокращение занятости женщин (из 1778000 активного населения женщины составляли 827000, или 46,5%)⁵.

Проблемы занятости населения являются одними из актуальнейших для современного таджикского общества. Парадокс в том, что в стране не хватает средств для создания рабочих мест, и в то же время налицо избыток трудовых ресурсов.

В конце 1990-х годов было проведено много исследований, связанных с изучением занятости женщин, в том числе в домохозяйствах. Так, в одном исследовании⁶, где 21,4% составляли работники просвещения, 15,1% — депутаты местных парламентов, 11,9% — пред-

⁴ Шоисматуллоев Ш. Насилие в отношении женщин: прошлое и настоящее. Душанбе, 2005. С. 115.

⁵ Куватова А. Гендерные исследования в Таджикистане // Гендерная система: состояние и тенденции развития. Душанбе, 2004. С. 56.

⁶ Исследование проблем занятости женщин в переходный период. Проведено ассоциацией женщин с университетским образованием в 2000 г. в нескольких регионах Таджикистана, в частности в Душанбе, Худжанде, Хатлонской области и районах республиканского подчинения (РРП). Всего опрошено 300 человек разных возрастных групп от 30 до 60 лет. Целью исследования было выявление проблем, связанных с занятостью и трудоустройством женщин, созданием необходимых условий для развития новых форм хозяйственной деятельности, отношением самих женщин к проблеме совмещения работы на производстве с домашними обязанностями и воспитанием детей, развитием предпринимательства. См.: Куватова А. Гендерные исследования в Таджикистане // Гендерная система: состояние и тенденции развития. Душанбе, 2004. С. 54–55.

ставители НПО, 10,7% — социальные работники, 8,3% — предприниматели, другие представители администрации, ученые, журналисты, профсоюзные работники, представители партий, служб занятости и т.д., более половины опрошенных — 52% — отметили, что ситуация на рынке труда остается напряженной, причем особенно сложна она в сельской местности, в частности в Хатлонской области. 71,4% от числа всех опрошенных были замужем, 5,6% — находились в разводе, 3,5% — вдовы.

Низкий показатель занятости обусловлен главным образом тем, что женщины вынуждены сочетать работу с выполнением домашних обязанностей. В нынешних условиях в таджикском обществе, когда государственные льготы и услуги резко сокращены, из-за нехватки электроэнергии в стране возникают бытовые проблемы, быть и кормильцем и хорошей домашней хозяйкой достаточно сложно. Но, как показывают данные указанного исследования насилия в отношении женщин, 53,2% опрошенных женщин считают, что они могут совмещать работу с выполнением своих материнских обязанностей. В столице страны Душанбе доля таких женщин составляет 18,7%, а в Худжанде, административном центре Согдийской области, самом промышленном регионе республики — 17,9%.

Такие же данные выражают их отношение к выполнению домашнего труда. Словом, таджикская женщина имеет большую нагрузку в семье. А семьи традиционно большие, состоят из 1–3 поколений. Только 10,7% женщин, согласно исследованию, могли бы оставить работу и заниматься только домашним трудом, 41,5% в принципе согласны, но не могут себе этого позволить в данный момент, а 35% намерены работать в любом случае. Исследование выявило одну интересную тенденцию: 60% молодых женщин в возрасте до 30 лет готовы оставить работу безоговорочно и сидеть дома. Среди других возрастных групп их последовательниц намного меньше: соответственно 31–40 лет — 28%, 41–50 лет — 12%, а среди старших таковых вообще нет.

Безусловно, для совмещения профессиональной деятельности и материнства нужно создать элементарные условия: строить детские и дошкольные учреждения, развивать сектор бытовых услуг и т.д. 45–50%, т.е. половина опрошенных считают, что эти условия дают женщине возможность проявить себя и на профессиональном поприще. Именно отсутствие этих условий влияет на предпочтение женщинами тех или иных форм занятости. 71% опрошенных на первое

место поставили неполный рабочий день, на второе место — создание малых женских предприятий (40,1%), на третьем месте — надомная работа (37%). За развитие женского предпринимательства высказалось 29,4% опрошенных, за работу по гибкому графику — 24%, за самозанятость — 21%, за индивидуальную трудовую деятельность — 20,2%. Данные исследования свидетельствуют о том, что женщина имеет большую нагрузку в семье и ищет возможность и работать, и заниматься домашним хозяйством.

А как распределяются домашние обязанности между супругами? Можно назвать шесть типичных занятий, которыми традиционно в таджикском обществе никогда не занимались мужчины: приготовление еды, мытье посуды, стирка, уборка дома, глажение. Это подтверждают и данные исследования насилия в отношении женщин⁷⁷. От 67% работы (по мнению мужчин 65%) по повседневной уборке дома (квартиры) до 93,5% по приготовлению еды выполняется женами и другими старшими женщинами в семье. Основными помощниками при выполнении этих видов работ выступают девочки до 16 лет: от 23,6% — повседневной стирки мелкого белья и одежды до 32,5% — повседневной уборки дома (квартиры). Девочки в меньшей степени, но занимаются также глажением белья, одежды (12,5%) и уборкой дома (квартиры) (16,3%). Мальчики же всеми этими видами домашней работы вовсе не занимаются. Традиции сложившегося разделения труда в семье и как оно должно восприниматься мужчинами и женщинами, т.е. респондентами, демонстрируют их ответы.

⁷⁷ Социологическое исследование «Насилие в отношении женщин» проведено в Таджикистане в октябре — декабре 2004 г. Исследование основано на национальной выборке, охватывает все регионы республики и посвящено разделению труда в семье как основе гендерного дисбаланса и насилия в отношении женщин в семье. Цель исследования — определить степень распространенности насилия в отношении женщин в семье и обществе. Задачи исследования: определить гендерные особенности распределения домашних обязанностей в Таджикистане; выявить уровень удовлетворенности женщин распределением домашней работы между мужчинами и женщинами, и т.д. Для проведения исследования использовались сочетание количественного и качественного методов исследования. Опрос проводился методом стандартизированного интервью, который сочетался с фокус-групповыми дискуссиями. Исследование основано на общенациональной выборке. Всего опрошено 800 респондентов: 330 мужчин и 470 женщин. В фокус-групповых дискуссиях принимали участие 80 женщин. Возрастной интервал определяется в границах 18–60 и выше лет. См.: Шоисматуллоев Ш. Насилие в отношении женщин: прошлое и настоящее. Душанбе, 2005. С. 79–85.

«Предназначение женщины — полностью отдавать себя семье» — это традиционное патриархальное воззрение еще не искоренено и, более того, сами женщины поддерживают его. Об этом свидетельствуют рассуждения женщин во время дискуссий в фокус-группах: «Мы, сельские женщины, в плане распределения домашнего труда никогда не спорим. Мы привыкли, что загружаем мужчин тяжелой работой. Но приготовлением еды, стиркой, не важно мелкая или крупная, мытье посуды, уборка дома, глажением одежды, присмотром за детьми занимаемся мы — женщины. Этому нас учили с детства».

Этот стереотип о женском предназначении негативно работает и в отношении мужчин, и не дает им возможности рассматривать некоторые виды домашней работы как возможную сферу применения своих сил. Но это вовсе не означает, что мужчины не занимаются домом. Есть определенные обязанности в системе видов домашней работы, которые в основном выполняются мужчинами, и их вклад в их выполнение признается и женщинами.

Повседневный ремонт дома, квартиры; уход за садом, огородом, приусадебным участком, двором; уход за скотом, птицей и т.д.; покупка продуктов питания в магазине, на рынке — это виды домашнего труда, в котором главенствуют в таджикской семье мужчины, и им в основном помогают мальчики младше 16 лет. Таким образом передается опыт старшего поколения мужчин младшему. Данные исследования показывают, что мальчики выполняют мужские виды домашней работы. Так, 11,5% мужчин и 16,6% женщин отмечают, что за садом, огородом, приусадебным участком, двором ухаживают мальчики, а 22,5% мужчин и 18,0% женщин ответили, что мальчики выполняют работу по уходу за скотом, птицей и т.д. Этими видами работ женщины и девочки в таджикских семьях почти не занимаются. Но, конечно, где нет мужчин или мальчиков, все хозяйство лежит на плечах женской части семейства. Определенная часть мужчин (33,6% по собственным оценкам и 28,4% по оценкам женщин) помогает детям школьного возраста в приготовлении уроков, а 8,2% ухаживают за детьми дошкольного возраста и занимаются ими.

В целом, согласно полученным результатам, мужчины переоценивают свое участие в некоторых видах домашнего труда, например, таких, как покупка продуктов питания в магазине или на рынке (разница с оценками женщин составляет 10,9%), уход за садом, огородом, приусадебным участком (12,2%).

Когда речь идет о распределении домашнего труда в таджикских домохозяйствах, необходимо иметь в виду, что в выполнение тех или иных функций вносят вклад и дети. То есть если мальчики помогают папе, то девочки являются помощницами матери. Как показывают данные исследования, к числу основных видов работ, выполняемых девочками, относятся мытье посуды, повседневная стирка мелкого белья или одежды, повседневная уборка дома (квартиры), участие в генеральной уборке дома, а также глажение белья (одежды). Мальчики кроме тех видов домашней работы, которые уже были перечислены ранее, также занимаются заготовкой дров, сена и т.д. Традиционно в таджикских семьях, где есть взрослые дети, они выполняют основную работу по дому в соответствии с полом и возрастом. С детства воспитывается в детях поддержание того порядка, который берет начало с первого разделения труда по естественным (природным) данным.

Суммируя вышеизложенное, следует отметить, что в Таджикистане традиционно многодетные семьи, и чем больше детей в семье, тем более дифференцированы домашние обязанности, которые выполняют дети по дому. Матери в таких семьях в основном распределяют домашнюю работу между детьми. Женскую работу выполняют девочки, а мужскую мальчики. Это, с одной стороны, говорит о преимуществе многодетной семьи. Дети с детства приучаются к труду, трудовое воспитание получают в домохозяйстве от старших. Хотя в нынешних тяжелых экономических условиях проблема содержания, воспитания и обучения большого количества детей стала достаточно острой. С другой стороны, работа в формальном секторе экономики не дает возможности нормально обеспечить семью всем необходимым. Поэтому в домохозяйствах развивается неформальная семейная экономика, которой должны заниматься все — мужчины, женщины и дети. Возросший объем работы отрицательно сказывается на посещаемости детьми школ, особенно это касается девочек, на их успеваемости и в дальнейшем на их социальном и профессиональном самоопределении.

Несмотря на то что многие женщины работают, занятость полный рабочий день не всеми воспринимается однозначно. Хотя большинство, даже женщин, склонны считать, что это мешает семейным отношениям. Главной причиной женщины считают мужскую ревность и мужской эгоизм. Для большинства женщин работа является не средством самореализации и развития личности, а лишь источником за-

работка. Поэтому на вопрос «Нужно ли жене работать, если муж достаточно хорошо может материально обеспечить семью?» из всех опрошенных (62,3% мужчин и 47,2% женщин) 53,6% придерживаются мнения «Нет, не нужно». Только 20,4% респондентов (14,0% мужчин и 25,2% женщин) считают, что «Да, нужно» жене работать, а 25,6% (23,1% мужчин и 27,4% женщин) отмечают, что «Все зависит от обстоятельств». Интересно, что не только мужчины, в силу своей состоятельности, выступают против работы жены, но и сами женщины в таких условиях не очень-то стремятся работать вне дома. Большая часть женщин считает, что если муж зарабатывает и в состоянии обеспечить семью, то женщина должна посвятить себя дому. В зависимости от места жительства в целом, как в городе, так и на селе, мужчины в большей степени придерживаются мнения, что жена не должна работать при хорошо зарабатывающем муже. Вместе с тем спектр мнений различен, и в зависимости от типа городских поселений несколько отличается в этом отношении мнение мужчин областных центров — Худжанда и Курган-тюбе, где участие женщин в работе связывают главным образом со сложившимися обстоятельствами. Мнение же мужчин других типов городов, включая и Душанбе, достаточно традиционно: они считают, что в отсутствие материальной необходимости жене лучше сидеть дома и заниматься домашними обязанностями.

Среди женщин также незначительна доля желающих работать в благополучных в материальном отношении семьях. Более высока доля таких женщин среди опрошенных в Душанбе (40%), в городах с населением от 20 до 50 тыс. жителей (39%), в малых городах (41%).

Словом, если бы позволили обстоятельства, т.е. материальное благополучие семьи, то абсолютное число сельских женщин занимались бы только домом и воспитанием детей.

Сегодня пока достаточно значительна доля таких женщин и в городах Таджикистана. Занятость женщины полный рабочий день является источником напряжения в семье. Давление мужа, свекрови, других родственников вынуждает женщину сосредоточиться на семейных обязанностях в ущерб желанию (если оно, конечно, у нее есть) работать вне дома, делать карьеру, т.е. заставляет вести себя в соответствии с традициями. Но жизненные обстоятельства часто бывают сильнее, и женщина вопреки традиции работает, чтобы выжить и дать жизнь другим. Эти же обстоятельства заставляют мужчин, све-

кровь, свекра и других домочадцев смириться с тем, что женщина работает и приносит хоть какие-то деньги в семью.

Если материальное положение семьи позволяет, то мужья против того, чтобы их жены работали, они предпочитают, чтобы женщины оставались дома и занимались домашним хозяйством. Возраст опрошенных вносит некоторые коррективы в восприятие проблемы занятости женщин, но не столь существенные. Так, студентки при обсуждении в фокус-группах высказывались за то, чтобы женщины работали, иначе зачем учиться и получать профессию. Как следует из исследования, мнения разные, но доминирующим остается мнение, что место женщины — семья, дети, дом. Анализ занятости женщин и ее влияния на отношения в семье показал, что, несмотря на некоторую активность женщин в сфере занятости, все же опрошенные оценивают проблему через призму семейных отношений.

Возражает ли кто-либо в семье, чтобы женщина могла работать вне домашнего хозяйства? Наиболее высока доля возражающих в Душанбе. По мере удаления от столицы наблюдается, с одной стороны, неуклонное сокращение доли возражающих против того, чтобы женщины работали, и, с другой стороны, увеличивается разница в ответах мужчин и женщин, т.е. женщины больше подчеркивают значимость этого фактора, чем мужчины. Меньше всего возражают против работы женщин родственники на селе и жители средних по численности городов. В сельской местности женщины работают недалеко от дома, в поле, в основном на хлопковых полях и, следовательно, являются основной рабочей силой, без них сельхозработы на селе могут остановиться. Поскольку мужская часть находится в трудовой миграции из-за малоодоходности сельскохозяйственного производства, кто же из близких женщинам людей возражает против того, чтобы они работали. В этом вопросе сильно расходятся мнения мужчин и женщин. Мужчины главным виновником считают свекровь, особенно в больших городах, и отчасти других родственников, исключая мужей. Так, в Душанбе 92% мужчин считают, что именно свекровь возражает, а 8,0% — затруднились ответить. По мнению же женщин, в качестве возражающей стороны муж занимает не последнее место, особенно на селе, в поселках городского типа, в малых и средних городах.

Но и в Душанбе 38,0% женщин считают, что мужья возражают против того, чтобы они работали. Вместе с тем и женщины подтверж-

дают особую роль свекрови, твердо стоящей на страже традиционного порядка разделения ролей и функций в семье, хотя в меньшей степени, чем это обнаруживалось в ответах мужчин. Мужчины в своих ответах часто называют и других родственников, возражающих против трудоустройства женщин.

В ответах же женщин они фигурируют в очень незначительной степени, а в Душанбе, Курган-Тюбе и средних городах они даже не упоминаются. Еще одна особенность заключается в том, что мужчины, чем дальше удалены от столицы, тем больше затруднились ответить. Исследователи объясняют это тем, что в действительности в душе они против того, чтобы их жены работали, но обстоятельства так сложились, реалии оказались сильнее стереотипов и предрассудков, однако признаться в этом мужчины не хотят.

Образовательный статус подтверждает сложившиеся в семьях стереотипы в отношении работы женщин. Во всех образовательных группах женщины больше указывают на то, что близкие возражают против их трудоустройства, чем мужчины. Исключение составляют только образовательные группы с начальным и отчасти с незаконченным средним образованием. Чем выше образовательный уровень, как мужчин, так и женщин, тем выше оценки противодействия в семье в отношении работы женщин. По мнению исследователей, люди с низким образовательным уровнем существующий гендерный порядок в семье воспринимают как данность, как нормальную ситуацию, как нечто естественное, поэтому уровень и круг их притязаний сильно занижен — и у женщин, и у мужчин. Эталоном для женщин, а также детей является система взаимоотношений старших поколений: свекор и свекровь, отец и мать. С повышением уровня образования приходит осознание некоторой ущербности сложившегося гендерного порядка в семье, и возражения близких против трудоустройства женщин воспринимаются уже как запретительная мера, ограничивающая свободу и права женщин в сфере профессионального и социального самоопределения.

Данный анализ приводит к следующему выводу: хотя многие женщины в современном таджикском обществе работают, но занятность полный рабочий день не всеми воспринимается однозначно. Большинство женщин считают, что это мешает семейным отношениям и рассматривают работу не как средство самореализации, а как материальный источник. Занятность полный рабочий день становится

источником внутрисемейных конфликтов. Давление мужа, свекрови и других родственников подталкивает женщину к решению сосредоточиться на семейных обязанностях, т.е. жить по традициям, в ущерб своим желаниям. Но женщины из-за жизненных обстоятельств вынуждены работать. Эти же обстоятельства вынуждают мужа, свекровь и других родственников, а также общественное мнение терпимо относиться к вынужденной работе женщин, чтобы быть опорой семьи и в материальном плане. Если бы материальное положение семьи позволяло, то многие мужья, свекровь и другие родственники не разрешали бы женщине работать. Многие женщины также, если бы муж сам смог обеспечить материально семью, предпочли бы заниматься семейными делами и домашним хозяйством. Семья для женщин сегодня стоит на первом месте. И если ее работа вне дома не мешает ей выполнять свою основную функцию — рожать и воспитывать детей, содержать дом и улаживать мужа, ее занятость поощряется. Но проблема в том, что совмещать все в нынешних условиях не всем по плечу.

5. Имплементация концепций прав человека в Афганистане

В.Г. Коргун

Конституция Афганистана была принята в 2004 г. Перед ее принятием две недели велись дискуссии, имело место столкновение различных интересов. В конечном счете Конституция была принята, но при непосредственном участии США и под их давлением — в частности, авторами этой Конституции были посол США в Афганистане, сам Карзай, в то время еще бывший главой администрации, и Барнет Рубин — американский специалист широкого профиля, блестящий знаток Афганистана. Соответственно, проект Конституции был списан с американской, хотя и адаптирован к афганским условиям: например, не прошел федерализм.

Итак, Конституция 2004 г. — это самая либеральная конституция всего региона, она имеет полный набор прав и свобод. Уже в преамбуле сказано, что народ берет на себя обязательства уважать и соблю-

дать Устав ООН и Декларацию прав человека. В обязанности государства входит гарантирование исполнения Декларации прав человека. Однако тут же появляются ограничения этих прав на почве ислама, хотя ислам сейчас занимает весьма незначительное место в Афганистане и не несет никакой идеологической нагрузки. Однако он сохраняет позиции регулятора общественной жизни и семейно-бытовой сферы. Государственная политика же находится вне ислама, и фактически государство является светским, несмотря на то что все соблюдают ислам, который зафиксирован в Конституции в качестве государственной религии.

Ограничения прав человека заключаются в том, что ни один закон не может быть принят без соответствия законам ислама. И хотя в Конституции имеется четкий и полный набор прав и свобод человека, ислам отбирает часть этих свобод, что выражается в том, что, например, не провозглашается свобода совести, и люди могут исповедовать другие религии, но только в рамках специального закона, распространяющегося исключительно на иноверцев. Дальше — больше: ислам контролирует образование в стране, от начального до университетского.

Что касается судопроизводства, то в Афганистане действуют светские суды, не шариатские, но шариатские все-таки сохранились, хотя они и очень ограничены в своих функциях и сейчас рассматривают только незначительные, коммерческие дела. Все остальное находится в ведении гражданских судов разных категорий. Система судопроизводства выделена в самостоятельную ветвь власти, хотя сохраняется очень сильное влияние президента.

Афганистан — централизованное унитарное государство, власть в котором даже излишне централизована. И здесь возникает противоречие с тем, что провозглашено в Конституции и других законах, касающихся управления страной. У президента, естественно, ограниченные полномочия, он несет ответственность только перед высшим органом власти, который не является конституционным — Национальной ассамблеей представителей духовенства и других сословий. Она собирается нерегулярно и на ней обсуждаются только самые важные и острые вопросы. Это еще одно ограничение.

Все граждане Афганистана имеют право участвовать во всеобщих выборах и выдвигать свою кандидатуру на тот или иной пост в системе государственного управления. Есть Центральная избиратель-

ная комиссия, которая проводит выборы, избирательные участки, система мониторинга и т.д. Но, с другой стороны, люди, особенно проживающие вне крупных городов, голосуют так, как им скажет хан, а если они хотят проголосовать за другого кандидата, то он должен заплатить им (примерно такая же система в Индии, где народ выбирает того, за кого голосует кастовый лидер). Это прямое нарушение прав человека. К примеру, во время выборов президента в 2009 г. брат президента заставлял людей голосовать, угрожал и им, в результате чего несколько десятков тысяч людей были вынуждены голосовать за Корзая. Таким образом, с одной стороны, выборы проводятся демократически, но, с другой стороны, на местах имеют место массовые нарушения.

Что касается средств массовой информации, то здесь Афганистан значительно продвинулся: еще в 2003 г. вышел закон о СМИ, и сейчас насчитывается около 200 периодических изданий, есть частные телевизионные каналы, т.е. наличествует свободная дискуссия. Тем не менее существует запрет на иностранные фильмы, причем даже индийские, основывающийся на том, что в этих фильмах женщины одеты не по законам шариата.

В ноябре 2003 г. вышел закон о политических партиях, согласно которому каждый гражданин может создать политическую партию. Однако есть несколько ограничений: в частности, партии не должны контактировать с какими бы то ни было зарубежными партиями, а также не должны основываться на религиозных, этнических, клановых и т.п. убеждениях. На сегодняшний день в Афганистане зарегистрированы 94 партии, однако они не имеют политического лица, не являются партийно-политическими структурами и не имеют доступа в парламент (т.е. партии представлены в парламенте, но не являются партийными структурами, фракциями — это запрещено законом).

Этнические права для Афганистана являются очень серьезной проблемой: он расколот по этнической линии, и этот раскол все более и более углубляется. Права национальных меньшинств попирались на протяжении нескольких столетий, поскольку основателями Афганского государства были пуштуны. Они доминируют на политической арене до сих пор, несмотря на то что в правительстве самые высокие посты принадлежат все-таки не им. Хазарейцы выполняют самые тяжелые работы в Кабуле — никто другой просто не возьмется носить воду или развозить по городу товары.

С декабряского вторжения в Афганистан в 1979 г. и за все годы военных действий национальные меньшинства резко подняли свое национальное самосознание. И если раньше были ханы, т.е. руководители племен, то сейчас появилась новая элита — военные командиры — люди, накопившие огромные состояния во время военных действий и даже имеющие свои миниармии. Война породила новое поколение людей, ханы отошли на задний план. Формально у всех появились равные права, многие народы имеют свои партии, свои коалиции; первый вице-президент Афганистана — таджик.

Возможно, именно этот рост национального самосознания приводит к тому, что народы расходятся все дальше и дальше. При этом некоторые из них, в частности узбеки, требовали создать в Афганистане федерацию. К счастью, этого не произошло, потому что Афганистан явно к этому не готов, он может просто распасться. Да и как возможно создание федерации, если пуштуны и другие народы разбросаны по всей территории страны. Сейчас ни одна политическая партия уже не выдвигает подобных требований — наоборот, они призывают к национальному единству.

Одним словом, проблема с национальными правами весьма специфична: с одной стороны, национальные меньшинства добились признания своих прав (даже в Конституции их языки признаны государственными) и доступа к высшим эшелонам власти. Но, с другой стороны, возрастание роли национальных меньшинств было достигнуто военными действиями, и неравенство все же сохраняется: даже в армии элитными частями командуют пуштунские офицеры.

Если говорить о правах человека в современном их понимании — парламентаризм, выборы, СМИ, свобода слова и т.д., то хотелось бы сказать о международной коалиции в Афганистане, которая влияет на проблему прав человека, хотя и не напрямую, а опосредованно. Это выражается в первую очередь в Конституции, которая создавалась при активном участии американцев. Естественно, западные ценности, образ жизни, политика оказывают определенное влияние на эту проблему. Американцы создали Национальную комиссию по борьбе с наркотиками и разработали стратегию этой борьбы.

США некоторое время навязывали Афганистану демократию (не предлагали, а именно навязывали), сам Карзай работал в американских корпорациях и был близок Белому дому. Однако народ не принял эту демократию, она вызывала все большее раздражение среди насе-

ления. Нынешний президент, Барак Обама, публично отказался от этой идеи, отметив, что регион нужно вести к миру, восстанавливать его экономику, усиливать грамотное управление страной.

На севере страны творится полнейший хаос. На юге пуштунское население не выдвинуло из своей среды более или менее крупных деятелей, у них нет харизматичных лидеров, в то время как на севере такие лидеры появились. На севере наблюдается полное бесправие: люди очень сильно зависят от местных нуворишей — новых политических деятелей, имеющих собственную армию и полицию, обладающих и формальной властью, и фактической.

Таким образом, права человека в Афганистане весьма своеобразны, их имплементация происходит под влиянием традиций, войны, присутствия американцев. Стратегию американцев по отношению к Афганистану планируется пересмотреть и обновить. Однако скорее всего, все останется на своих местах, и параллельно с наращиванием военных усилий в Афганистане будет выделяться все больше средств на экономическое возрождение страны. Эта стратегия не будет больше направлена на насаждение демократии в стране.

В Афганистане существовала, да и сейчас в какой-то мере существует, традиционная демократия, есть институт джиги, т.е. собраний, на которых принимаются те или иные решения и в которых принимают участие только мужчины. Здесь наблюдается явное ущемление прав женщин. Мужское же население в пуштунских регионах имеет равные права: ханы имеют такое же право голоса, как и все остальные. Однако традицией обусловлена локальная власть ханов и, соответственно, дифференциация населения. В таких условиях важнее возродить традиционные формы, нежели навязывать какие-либо европейские образцы. Афганистану нужно просто помочь — как минимум отгородить от идеологии талибов, которая ведет в тупик.

Существует клише, согласно которому Афганистан — это кладбище империй (британской, российской, а сейчас и американской). Афганцы не ксенофобы в полном смысле этого слова, это очень восприимчивый и контактный народ, однако все равно представители западной цивилизации являются для них чужими. История Афганистана — это история войн, завоеваний, конфликтов, вооруженных столкновений и т.д. Эта история выковала из афганца воина, и в первую очередь это можно сказать о пуштунском населении. Разумеется, у них вполне определенное отношение к иностранцам, которые

приходят к ним с оружием. К талибам иное отношение, потому что они воспринимаются как свои: их надо не уничтожать, а договариваться с ними.

В Афганистане есть Международная комиссия по правам человека, которая достаточно активно функционирует и многого добивается, особенно в области прав женщин. Ситуация с правами женщин сейчас стала даже хуже, чем при талибах: попрание их прав со стороны родственников, мужа, властей, запрещение какой бы то ни было общественной жизни — все более частые явления. Работа в этом направлении ведется, в том числе и упомянутой комиссией, однако в целом изменить ситуацию пока не удастся. Хотя согласно официальной квоте четверть всех депутатов парламента составляют женщины, и, если они не могут быть избранными, Карзай просто назначает их. Но суды заполнены сторонниками талибов, поэтому с правами женщин полная катастрофа. Кроме того, самые коррумпированные структуры в Афганистане — МВД и система юстиции.

Если говорить о международных правозащитных организациях, то следует отметить тот факт, что на сегодняшний день таковых в Афганистане нет. В 1990-е годы действовала международная амнистия, либо же специализированные организации, полугуманитарные, полуправозащитные, например, «Врачи без границ», «Журналисты без границ» и т.д. Представительства этих организаций есть, но они, как правило, малочисленны, и за пределами Кабула не работают.

Комиссия по правам человека — организация общественная, не государственная, хотя, конечно, ее состав контролируется самим президентом. В состав входят около 30 человек, он практически не меняется, т.е. эти люди — уже профессионалы в данной сфере. Они выступают и на международной арене, в ООН. То есть организация очень активная, но, к сожалению, руки у нее связаны системой, существующей в Афганистане.

Однако в последнее время Афганистан резко продвинулся вперед, что обусловлено в первую очередь Конституцией. Есть возможность создания политических партий, хотя и с ограничениями. Однако если в городах проводится хоть какая-то работа с правами человека, то в деревне действует исключительно традиция: порой даже мужья запрядают своим женам голосовать на выборах.

Кроме того, афганцы не могут служить моделью для других стран, потому что Афганистан до сих пор является племенным обществом.

Остро ощущается патернализм, и Карзай воспринимается не как руководитель государства, а как лидер большого племени под названием Афганистан. Он проводит политику перестановок, манипуляций, рокировок: постепенно стягивает в Кабул крупных людей и вытравливает тех, кто представляет для него потенциальную угрозу.

Послесловие

В общеконтинентальной парадигме, к которой относится Центрально-Азиатский регион, принято движение не к свободе, не к правам человека в либеральном их понимании, а к воле, т.е. поведению, ничем не ограниченному. Это специфика, социокультурный тренд, который свойственен континентальной парадигме Центрально-Азиатского региона. В этом состоит отличие от США, Европы в целом и даже от арабского мира, с которым Центральную Азию роднит религиозный фактор.

Часто приходится сталкиваться с достаточно распространенной точкой зрения, в соответствии с которой в Центральной Азии прав человека не существует. Этот тезис основан, с одной стороны, на непонимании центральноазиатской культурной парадигмы, а с другой — на представлении о правах человека как о религии, которое само по себе не является верным.

Отсюда возникает два противоположных подхода к ситуации с правами человека в этом регионе и действиями по их развитию и укреплению. Первый подход концентрируется вокруг роли международных организаций в Центральной Азии, международных коалиций, а также неправительственных и межправительственных организаций. Идеи западных стран оправдываются как идеи прогрессивные, направленные на улучшение жизни людей. Второй подход принципиально противоположен первому и направлен на то, чтобы оставить в покое этот регион с принципиально неевропейской культурой, с исламской спецификой, в которой невозможно интерпретировать права человека в европейском понимании. То есть прогрессивные идеи стран Запада носителями этого подхода воспринимаются как реализация собственных экономических и политических интересов этих стран.

В проблематике прав человека существуют факторы, которые в большей или меньшей степени объективны. К таковым, на мой взгляд, можно отнести наличие принятой Всеобщей декларации прав человека и следующих за ней пактов об экономических, социальных и иных правах. В этих документах нет ничего такого, что принадлежало бы конкретно западной или какой бы то ни было другой культуре. Сама по себе Декларация в достаточной мере универсальна. Отсюда возникают вопросы о соотношении этих двух представлений относительно деятельности по насаждению и реализации концепции прав человека в Центрально-Азиатском регионе: следует ли заниматься этой деятельностью? В каком контексте должны осуществляться права человека в этом регионе: международном или же на уровне региональных организаций?

Проблема исламского фактора в регионе также вызывает некоторые вопросы: мы говорим о традиционном исламе или же о его интерпретации, используемой теми или иными радикальными движениями?

В этой связи роль международных организаций в этом регионе и их деятельность в области прав человека является попыткой адаптировать универсальный текст Всеобщей декларации прав человека к конкретным социокультурным условиям.

В Центральной Азии существует три фактора, которые возникают на пути развития прав человека. Это — политический режим, традиционный ислам и национализм («комплекс Тимура» в Узбекистане). В последнем случае идея прав человека возникает вместе с идеей нации. В Центральной Азии строится нация, и строится она вокруг государства, элита строит ее «под себя». И такое государство еще донационально: нация выступает только в роли символа. Соответственно, необходимо в национальной политике найти место правам человека.

Что касается конкретных государств, то, например, в Казахстане в Конституции прописано, что первый президент может избираться на несколько сроков подряд, а все последующие избираются не более чем на два срока подряд. Право человека на выбор власти в данном случае не попирается. Это маленькая лазейка, которую использует и власть, и народ. В Казахстане существует и Ассамблея народов Казахстана, считающаяся управляемым властью институтом, но в соответствии с Конституцией она обладает большими полномочия-

ми. Сейчас этот институт не функционирует, но он беспрецедентен, и можно создать условия для его деятельности по созданию дискуссионной платформы представителей меньшинств на постсоветском пространстве.

В Туркменистане присутствуют элементы демократизации. Однако здесь стоит отметить, что переход от тоталитаризма к авторитаризму не является демократизацией, и говорить о правах человека в этой ситуации не просто сложно, а практически невозможно: их нет в этой стране как таковых, равно как и институтов, способных их развивать. Сказывается еще и тот фактор, что государство, с точки зрения экономики, в силу запасов своих ресурсов может обеспечить минимальные запросы населения, в частности бесплатный газ, низкую квартплату, бесплатную соль, воду и т.д. — то, что некоторым странам-соседям даже и не снилось. Поэтому они могут спокойно вводить, например, закон о запрете ношения бороды, и общество это принимает спокойно. Если государство обладает экономической мощью, оно может попира́ть права человека, и общество воспринимает это достаточно спокойно.

Что касается Узбекистана, то применительно к этой стране традиционный ислам является очень сложным вопросом. Права человека в Узбекистане идут вместе с религией против института авторитаризма. И единственным способом демократизировать Узбекистан после смены нынешней власти, при этом не разрушив государство, является диалог между религией и правами человека. Это совместные действия фондов и, соответственно, религиозных институтов.

Препринт WP18/2011/01
Серия WP18
Права человека в современном мире

**Культурные аспекты и правоприменительная практика в области
прав человека в Центральной Азии**

Выпускающий редактор *А.В. Заиченко*
Технический редактор *О.А. Иванова*
Корректор *Ф.Н. Морозова*

Отпечатано в типографии Высшей школы экономики
с представленного оригинал-макета.

Формат 60×84 $\frac{1}{16}$, Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,1
Усл. печ. л. 2,3 Заказ № . Изд. № 1332

Высшая школа экономики
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Высшей школы экономики

Тел.: (499) 611-24-15